

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ КРУПНОЙ ПОМЕЩИЧЬЕЙ
ВОТЧИНЫ И ВОТЧИННЫЙ РЕЖИМ В КОНЦЕ XVIII —
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ
ВОТЧИННОГО АРХИВА (ИНСТРУКЦИЯМ И УЛОЖЕНИЮ)
ОРЛОВЫХ-ДАВЫДОВЫХ

ГАЛИНА ТАСЕВА

Рецензент: *И. Илиева*
Редактор: *Петър Петров*

Galina Taseva. — ORGANIZATION OF MANAGEMENT OF BIG LANDOWNERS' HEREDITARY ESTATES AT THE END OF THE 18TH AND THE FIRST NALF OF THE 19TH CENTURY, ACCORDING TO THE PROPERTY ARCHIVES (INSTRUCTIONS AND CODE) OF THE ORLOV-DAVIDOV FAMILIES.

The object of this paper is to investigate V. G. Orlov's instructions of 1774 unknown so far and 1790, his codex of 1796, V. P. Orlov-Davidov's codex of 1831 and the process of their creations. The author proves the simultaneous writing of the 12 variants of V. G. Orlovs' codex of 1796 about the quit — rent domains. There is a detailed analysis of the Sidorovsky codex, which has been found to be the starting variant. The article traces the changes in the government of Orlov's domains at the end of XVIII and the first half of XIX c. expressed in the items of the instructions showing a tendency of weakening of personal dependence of the serfs in the restriction of the self-government of the communities in the income control of the peasants, in the change of the recruit tax.

The most evident proof of the symptom of crisis phenomena in the feudal economy is the landowner's giving up the measures directed towards balomeing of economic level of peasant's farms.

Изучение генезиса капитализма в сельском хозяйстве России невозможно без изучения помещичьего хозяйства. Одним из вопросов, связанных с эволюцией помещичьего хозяйства, является освещение вотчинного режима и частнофеодального права. Помещичья вотчина являлась основной ячейкой социально-экономической структуры феодализма. В конце XVIII — первой половине XIX веков — в период начала формирования капиталистического уклада в сельском хозяйстве России — она отражала всю остроту и многообразие противоречий в деревне, взаимосвязанность и взаимовлияние крепостнических и капиталистических тенденций в развитии хозяйства.

Сельское хозяйство — основная отрасль хозяйства феодальной России, именно поэтому изучение экономических и социальных процессов, происходивших внутри помещичьей вотчины, имеет большое значение для понимания развития феодальной формации. И здесь важным является, как отмечал В. И.

Ленин, вопрос не о том „как быстро“ развивались капиталистические отношения в сельском хозяйстве, а „как именно“, в каких формах происходило в нем это вызревание¹.

Крупное помещичье хозяйство оказывало сильное влияние на характер и тенденции развития аграрных отношений в России в переходный период, что обуславливает научную актуальность изучения данной проблемы. Об этом свидетельствует и постоянный интерес советской исторической науки с первых лет ее существования к проблемам, связанным с изучением помещичьего и крестьянского хозяйства. Судьбы русского крестьянства, связь его эволюции с генезисом капитализма в России — предмет пристального внимания исследователей. Всесторонняя разработка этих вопросов включает и изучение истории помещичьего хозяйства на материалах отдельных вотчин.

Предметом данной работы является исследование нормативных документов (инструкций) графов Орловых и Орловых-Давыдовых — одних из крупнейших помещиков России последней трети XVIII — первой половины XIX веков.

Помещичьим инструкциям вообще и в том числе инструкциям конца XVIII — начала XIX веков посвящена довольно обширная литература. Несмотря на то, что на вопросы управления помещичьим хозяйством обратили внимание еще дворянские историки, мы не ошибемся, если скажем, что первым историком, использовавшим помещичьи инструкции в своем труде, посвященном исследованию положения крепостного крестьянства, был В. И. Семевский. Он впервые упоминает и об „Уложении“ В. Г. Орлова. Несколько инструкций были найдены и опубликованы М. В. Довнар-Запольским, в том числе и „Уложение“ В. Г. Орлова для с. Поречья.

Широкое изучение историками крепостного хозяйства началось лишь в советское время. Вопрос об экономической истории России второй половины XVIII века впервые был поднят в советской историографии в 20-х годах в связи с дискуссией о характере восстания под руководством Е. Пугачева, затем в дискуссиях 40 — 50-х годов о социальной природе крепостной мануфактуры и о периодизации истории России. В начале 20-х годов были опубликованы работы, содержащие интересный фактический материал по истории помещичьего хозяйства в Поволжье и на Севере. Несколько позже появились исследования Б. Д. Грекова, С. И. Архангельского, А. Н. Насонова, К. В. Сивкова², написанные на материалах архивов, которые впервые стали предметом тщательного изучения. Уже в этих работах были поставлены некоторые вопросы, исследование которых продолжалось в дальнейшем: изучение специфики сельского хозяйства отдельных районов, степени товарности помещичьего хозяйства, его связи с рынком, а также роли крестьянского хозяйства как основной производительной ячейки феодального общества. Инструкции использовались как источник по социально-экономической истории вотчины. На основе анализа инструкций второй половины XVIII в. — А. Т. Болотова, П. И. Рычкова, П. Б. Шереметева, Г. В. Грузинского, П. А. Румянцева, В. Г. Орлова, И. И. Шувалова, — исследователь С. И. Архангельский отметил различия в подходе помещиков к управлению своими вотчинами. Он сделал попытку

¹ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 3, с. 380.

² Греков, Б. Д. Тамбовское имение М. С. Лунина в первой четверти XIX века — Изв. АН СССР, 1932, № 6 — 7; Сивков, К. В. Подмосковная вотчина середины XVIII в. — В: Московский край в его прошлом. М., 1928; Архангельский, С. И. Симбийская вотчина В. Г. Орлова (1790 — 1800) — В: Нижегородский краеведческий сб. Н. Новгород, 1929; Насонов, А. Н. Юсуповские вотчины в XIX в. — Докл. АН СССР, серия В, 1926, январь — февраль.

изучения на основе инструкций хозяйственной деятельности крестьян и степени их расслоения³.

Многое сделал для изучения инструкций как источника по истории вотчинного хозяйства К. В. Сивков. По его мнению, причиной появления наказов и инструкций XVIII в. было усилившееся в этот период разложение феодально-крепостнического строя и связанное с этим желание помещиков усилить административную власть приказчиков и упорядочить учет в хозяйстве, а также рационализировать сельскохозяйственное производство⁴. Как источник по истории сельского хозяйства рассматривала инструкции и П. К. Алефиренко. Основной ее вывод — что большинство инструкций при некоторых различиях одно общее — „стремление к повышению доходности поместного хозяйства путем усиления эксплуатации крепостного крестьянства, подвергая его всесторонней и мелочной опеке... В них уделялось также много внимания вопросам управления вотчинами, но крестьянского хозяйства они касались лишь вскользь“⁵. Разумеется, каждый исследователь характеризовал источник в основном в связи со своими конкретными задачами.

Видный советский ученый А. А. Новосельский отмечал большое влияние реформ Петра I на форму и содержание наказов XVIII в., их переход к подробной регламентации всей жизни вотчины в отличие от наказов XVII в., которые в основном ссылались на обычай, существующую издавна практику. Инструкции XVII в., которых сохранилось очень мало, по его мнению, были совершенно лишены каких-либо теоретических или сельскохозяйственных соображений, в них полностью отсутствуют рассуждения о благосостоянии крестьян, их нравственности, благочестии и т. п., столь характерные для инструкций особенно второй половины XVIII в.⁶

В послевоенные годы основное внимание уделялось истории классов-производителей. В этот период было написано несколько диссертаций, вышли первые монографии, посвященные крепостному хозяйству⁷. В процессе работы вырабатывалась и методика обработки материалов вотчинных фондов⁸. С возросшим интересом к вотчинным фондам связано и открытие большинства инструкций и их публикации. Это дало возможность выявления их общих черт и классификации. Важной в этом отношении источниковой работой является статья И. Ф. Петровской, в которой перечислены помещичьи инструкции, известные к тому времени, указаны основные различия между помещичьими инструкциями XVII, первой половины XVIII, второй половины XVIII и начала XIX в. в., дана всесторонняя характеристика вотчинных фондов, классификация документов этих фондов, тенденции развития вотчинного делопроизводства. И. Ф. Петровская отметила в

³ Архангельский, С. Крестьяне крепостной деревни Московского промышленного района во второй половине XVIII века (По данным вотчинных инструкций). — Архив истории труда в России, № 8. Пг., 1923.

⁴ Сивков, К. В. Наказы управителям XVIII в. как источник для истории сельского хозяйства в России. — В сб. Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952, с. 241.

⁵ Алефиренко, П. К. Русская общественная мысль первой половины XVIII столетия о сельском хозяйстве. — Материалы по истории земледелия СССР, сб. 1. М., 1952, с. 517, 527, 528, 538.

⁶ Новосельский, А. А. Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М. — Л., 1929, 65 — 66.

⁷ Щепетов, К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. 1708—1885. М., 1947; Индова, Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века. М., 1955; Катаев, И. М. На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых. Челябинск, 1948; Сивков, К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крепостнического движения в России в первой половине XIX века. М., 1951 и др.

⁸ См. Литvak, Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979.

отношении инструкций второй половины XVIII и первой половины XIX вв. их ценность как документов, дающих не только представление об организации вотчинного хозяйства, но „помогающих установить типичность или нетипичность тех или иных явлений“, а также тот факт, что „составление инструкции чаще всего определяет какой-то новый этап в развитии хозяйства, новую попытку его рационализации“⁹.

В последнее время инструкции были широко использованы В. А. Александровым как источник по положению сельской общины в помещичьей вотчине. Автор отмечает, что сейчас советской наукой известно около 50 инструкций разных помещиков, что говорит о том, что практика их составления была широко распространена и их существовало значительно больше. Среди них есть подробные „кодексы“, такие как инструкции Черкасских-Шереметевых, 1719—1764 гг., А. П. Волынского, 1725 г., П. А. Румянцева, 1751—1760 годов; М. М. Щербатова, 1758 г.; В. Г. Орлова и И. И. Шувалова, 1790-х годов; Н. П. Панина, 1820 г.; Строгановых, 1837 г. Другие носят более частный характер (в основном касаются вотчинного хозяйства). В. А. Александров считает, что „именно на основе частнофеодального права конкретно осуществлялась взаимосвязь собственно помещичьего хозяйства и крестьянской общины, определялся общественный и хозяйственный статус последней, фиксировались все функции и нормы существования“¹⁰. Выводы автора подкреплены обширным конкретным материалом.

Таким образом, беглый обзор литературы, посвященной инструкциям, показывает многогранность этого источника и богатство возможностей его использования. Общими чертами инструкций конца XVIII — начала XIX веков, по мнению исследователей, являются их „рыночная, товарная направленность“, стремление к расширению предпринимательства и повышению доходности хозяйства на основе агротехнических улучшений, к упорядочению хозяйства и совершенствованию управления, стремление помещиков укрепить свою власть над крепостными, „Освоить и кодифицировать дарованное им право господства“¹¹.

Все эти черты присущи и инструкциям В. Г. Орлова, которые в этом смысле являются типичными документами такого рода.

Общие черты инструкций конца XVIII — начала XIX веков не случайны. Они обусловлены изменениями, происходившими в этот период в социально-экономической жизни и находятся в связи с общественно-экономической мыслью второй половины XVIII в. и деятельностью Вольного экономического общества, в котором как раз и обсуждались вопросы повышения доходности хозяйства, агрономические мероприятия, вопросы управления хозяйством¹².

Число опубликованных работ, написанных на материалах хозяйственного архива Орловых, невелико. Это статьи С. И. Архангельского и Н. А. Богородицкой, книга и статья И. М. Катаева. Привлекались документы

⁹ Петровская, И. Ф. Об изучении поместно-вотчинных архивных фондов XVIII — первой половины XIX в. — Проблемы источниковедения, сб. 4. М., 1958.

¹⁰ Александров, В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, с. 50, 51.

¹¹ Рубинштейн, Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 138; Индова, Е. И. Инструкция князя М. М. Щербатова приказчикам его ярославских вотчин (1758 г. с добавлениями к ней по 1762 г.) — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР, сб. 6. М., 1965, 432—433; Александров, В. А. Указ. соч., с. 50.

¹² Труды ВЭО, ч. 1, с. 1. 1765; ч. 5, 1767, 60—69; ч. 2. 1766, 105—108 и др.

архива Орловых-Давыдовых в работах В. А. Александрова (по Ярославским вотчинам), И. Д. Ковальченко (по Отрадненской и Знаменской вотчинам), В. А. Федорова¹³.

В основу статьи С. И. Архангельского положена инструкция В. Г. Орлова 1790 г. для Симбильской вотчины. Работа посвящена характеристике управления вотчиной с 1790 г. по 1810 г. и истории ее приобретения Орловым. Автором сделаны верные наблюдения, характеризующие хозяйственную расчетливость В. Орлова, его стремление стимулировать предпринимательство крестьян. Слишком короткий промежуток времени — 10 лет, на котором изучалось хозяйство вотчины, позволили автору лишь констатировать наличие определенных явлений в хозяйстве вотчины. Н. А. Богородицкая изучала хозяйство той же вотчины на широком отрезке времени конца XVIII — первой половины XIX в. на основе вотчинного фонда и других источников. Н. А. Богородицкой изучены организация хозяйства крупной оброчной земледельческо-промышленной вотчины, рационализаторские мероприятия помещика, интенсивные формы ведения хозяйства. Автором отмечен рост в этот период производительности труда в господском хозяйстве. Специфическими чертами этой вотчины по мнению Н. А. Богородицкой были следующие: стабилизация доходов от имения к середине XIX в., сокращение оброчных недоимок, незначительность расслоения крестьян к 1861 г., в большой мере объяснившиеся мероприятиями самого помещика. Н. А. Богородицкая рассмотрела инструкции для Симбильской вотчины — 1790 г. и „Уложение“ Орловых. Эта статья дала нам возможность (по приведенным автором фрагментам) провести сравнение Сидоровского „уложения“ с Симбильским 1831 г., так как другой возможности использовать этот источник у нас не было. В хозяйственной же структуре между двумя вотчинами имелись существенные различия (В Симбильской преобладало земледелие, даже вводилась и барщина).

И. М. Катаевым опубликованы две работы по истории крупнейшего имения Орловых — Усолья, в котором уже в конце XVIII в. было организовано высокотоварное зерновое хозяйство и овцеводство. Промыслы здесь играли второстепенную роль в хозяйстве крестьян. Исследователем дана общая характеристика развития хозяйства и изменений в его структуре и организации. Основное внимание в книге „На берегах Волги“ удалено положению крестьян. Автором не использовались подворные описи, имеющиеся в фонде, что явилось следствием отсутствия в то время методики их обработки.

Таким образом, в литературе было изучено хозяйство земледельческих имений Орловых с барщинной и смешанной формами ренты (в том числе Знаменской и Семеновской вотчин).

В монографии В. А. Александрова, посвященной положению сельской общины в помещичьей вотчине, дается характеристика роли мирской организации в оброчных вотчинах Орловых на примере их ярославских вотчин. В. А. Александров относит управление в этих вотчинах к типу

¹³ Архангельский, С. И. Указ. соч.; Богородицкая, Н. А. Барщинная система эксплуатации в Симбильской вотчине в 30—50 годы XIX в. — Уч. зап. Горьков. унив. Горький, т. 78, 1966; Вотчинные инструкции гр. В. Г. Орлова и В. П. Давыдова, как источник для изучения социально-экономической истории Симбильской вотчины с конца XVIII по 30-е годы XIX в. — Там же; Катаев, И. М. На берегах Волги. Челябинск, 1948; Крепостное вотчинное хозяйство крупного магната на Самарской Луке. — В сб. В крепостную эпоху на Средней Волге. Самара, 1934; Ковальченко, И. Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; Федоров, В. А. Помещичье крестьянство Центрально-Промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974.

„общинной организации управления“. По мнению автора¹⁴, при этой системе мирская община пользовалась наибольшими правами. Это мнение подтверждается и материалами Сидоровской вотчины.

Несмотря на то, что инструкции Орловых неоднократно использовались в литературе, до сих пор существовало много неясностей по вопросу о времени их возникновения и предназначении, а также о различиях между отдельными вариантами. В значительной степени это явилось результатом того, что инструкции использовались в основном как самостоятельные документы в отрыве от хозяйственной жизни вотчины, для которой они предназначались (за исключением, может быть, только Н. А. Богородицкой). В данной работе привлечены новые документы, которые позволяют полностью осветить процесс создания „Уложения“, а также прослеживается эволюция в управлении вотчинами Орловых с 1790 г. до середины XIX в.

* * *

Сохранился довольно обширный архив Орловых, начало которому было положено В. Г.¹⁵ Орловым. Архив насчитывает несколько тысяч единиц хранения, которые находятся в различных архивохранилищах СССР. В ЦГАДА хранится часть хозяйственного архива Орловых-Давыдовых, в том числе материалы московской и петербургской домовых контор по управлению имениями (1680—1919 гг.), фонд Сидоровского вотчинного правления Орловых и Паниных (3298 ед. хр.), которые послужили документальной основой статьи. Из личного архива Орловых (ОР. ГБЛ) нами использовались материалы о родословии Орловых, копии сенатских указов о пожаловании поместий, биографические документы, дневники В. Г. Орлова, деловая и семейная переписка, из Сидоровского — инструкция 1774 г. и Сидоровское „Уложение“ В. Г. Орлова, хозяйственные документы, переписка.

Вотчина Орловых сложилась в 70-х годах XVIII в. в результате пожалований императрицы Екатерины II и последующего активного приобретения земель.

По сведениям Е. И. Карновича, Орловы с 1762 г. по 1783 год получили в дар от Екатерины II 45 тыс. душ крепостных и 17 млн. рублей деньгами. По подсчетам В. И. Семевского, основанным на „экономических примечаниях“ и ведомостях о числе дворян, имевших деревни в 1777 г., число крепостных у всех Орловых было более 27 тысяч¹⁵. Нам представляется, что данные В. И. Семевского более близки к истине на 70-е годы XVIII в. во-первых, потому что источник сведений Карновича не назван, а во вторых, — нет никаких указаний на то, что после 1774 г. кто-либо из Орловых получал крепостных в качестве пожалования. По нашим подсчетам, сделанным на основании сохранившихся в архиве Орловых копий сенатских указов, общее число пожалованных им крестьян составляет 23083 душ мужского пола (далее — д. м. п.) — цифра довольно близкая к подсчетам В. Семевского.

После заговора 1762 г., в результате которого на русский престол взошла Екатерина II, все братья Орловы получили графский титул, в том числе Иван и Владимир, не участвовавшие в дворцовом перевороте¹⁶.

¹⁴ В. А. Александров выделяет три типа организации управления: вотчинно-полицейский режим, общинную организацию и смешанные формы вотчинно-общинного управления. См.: Александров, В. А. Указ. соч., 47—78.

¹⁵ Карнович, Е. П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1884, с. 131; Семевский, В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1. СПб., 1881, с. 34, 586.

¹⁶ ОР ГБЛ, ф. 219. (Орловы-Давидовы), оп. 1, 1. 2, л. 3; Орлов-Давидов, В. П. Биографический очерк графа В. Г. Орлова. СПб., 1884.

Младший из пяти братьев Орловых — В. Г. Орлов (1743—1831), который в данном случае интересует нас как помещик, вырос в деревне, под присмотром няни, в весьма скромной обстановке, что, вероятно, приучило его к бережливости и расчетливости в хозяйственных вопросах. К тому же его отец — Г. И. Орлов, действительный статский советник, новгородский губернатор, и мать — И. И. Зиновьева рано умерли.

Летом 1763 г. В. Г. Орлов был отправлен старшими братьями в Лейпцигский университет, в котором провел три года. По возвращении в Петербург он был назначен директором Академии наук (1766 г.) и занимал эту должность восемь лет; 5 декабря 1774 г. вышел в отставку с чином генерал-поручика и пожизненным камергерским жалованьем. С этого времени он почти постоянно жил в Москве, где его часто посещали Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, А. И. Муханов, П. И. Яковлев (дядя А. И. Герцена), А. П. Оболенский, А. П. Тормасов. После постройки дома в имении „Отрада“ на р. Лопасне (Сурпуховский у. Хатунская вол. Московской губ.) В. Г. Орлов большую часть времени проводил в нем, занимаясь воспитанием детей и внуков и управлением обширными имениями, своими и общими, находившимися в нераздельном владении до смерти братьев¹⁷. Пребывание в Лейпцигском университете, путешествия по России и другим странам не прошли бесследно для Орлова. И, если вопрос о его образованности спорен, то ему никак нельзя отказать в здравомыслии и обвинить в безразличии к новшествам в различных областях хозяйственной и общественной жизни. Являясь, безусловно, человеком своего века и класса, со свойственными ему пороками и привычками, Орлов тем не менее реально оценивал свои возможности (нелишне заметить, что эта черта была характерна и для его старших братьев).

Несомнена осведомленность В. Орлова о деятельности Вольного Экономического общества, где в 60-х и 90-х годах XVIII в. обсуждались вопросы развития внешней торговли, организации запасных хлебных магазинов, вопросы, связанные с разработкой местного топлива, повышения качества изделий местных крестьянских промыслов, обработки земли и т. д.¹⁸ Занимая пост директора Академии наук и имея постоянный контакт с людьми, непосредственно участвовавшими в работе общества, В. Орлов был в курсе всех обсуждавшихся в нем в то время вопросов. Это окружали высокообразованные люди. Одним из них был секретарь Орлова (имя его не установлено), который вел его переписку на русском, французском и немецком языках, делавший для Орлова переводы сочинений французских писателей¹⁹.

В. Орлов следил за периодическими изданиями и выписывал книги из-за границы, а также выходившие в России. Среди них справочники, исторические словари, учебники по математике, а также такие, как например, „Таблицы для вычисления процентов на денежные капиталы“ и другие²⁰. Сам Орлов, вероятно, хорошо владел немецким и сносно французским языками. Из его переписки видно, что он ценил знания и стремился дать своим детям хорошее образование, что ему удалось. Особое внимание Орлов уделял занятиям своих детей русским языком, постоянно проверяя их успехи (родным языком жены Орлова был немецкий)²¹. Домашним учителем детей Орлова был

¹⁷ Майкова, К. А. Архив Орловых-Давыдовых. Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1971, вып. 32, 6—7; ОР ГБЛ, ф. 219, 7.8, л. 71.

¹⁸ Ходнев, А. И. История Императорского Вольного Экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб., 1865.

¹⁹ ОР ГБЛ, ф. 219, 7.6, л. 8; 54.1; Майкова, К. А. Указ. соч., с. 10.

²⁰ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, ед. 996, л. 6; ед. 965, л. 5.

²¹ Майкова, К. А. Указ. соч., 11—12; Орлов-Давыдов, В. П. Указ. соч. Т. 2, с. 211.

профессор Московского университета Х. А. Чеботарев. Следует сказать, что несмотря на свой пост директора Академии, Орлов не страдал чрезмерным тщеславием и на предложение Л. Эйлера баллотироваться в члены Королевского общества ответил отказом.

Личная вотчина В. Г. Орлова начала складываться в 80-х годах. Он выкупал у братьев, ведших светскую жизнь и потому нуждавшихся в наличных деньгах, имения, одно за другим. Таким путем к нему перешли Симбильская (Нижегородская губерния), Сидоровская (Костромская губ.) Усольская (Самарская лука) вотчины, находившиеся в Поволжье, и Семеновская (Московская губ.)²².

После смерти В. Г. Орлова к его наследникам перешли 46 111 душ крестьян, находившихся в 15 губерниях России, и около 1,5 млн. руб. деньгами. Так как сыновья В. Г. Орлова Александр и Григорий рано умерли, наследниками его остались дочери — Е. В. Новосильцева, С. В. Панина (жена Н. П. Панина) и внук (сын дочери — Н. В. Давыдовой) — В. П. Давыдов. Часть наследства, полученная им, состояла из 23 225 душ крепостных крестьян и 268 232 десятин земли, чистый доход от которых в 1831 г. составлял 279 032 руб. серебром²³.

В. П. Давыдов продолжал политику своего деда: выкупая у теток родовые имения, он сумел сохранить основную их часть. В 1860 г. он получил разрешение Николая I на учреждение трех майоратов для своих сыновей с целью сохранения родовых владений. Надо сказать, что Орловым удалось сохранить основную часть своих имений вплоть до 1917 года²⁴.

Уже во второй половине XVIII в. выявились специфика хозяйства отдельных имений, обусловленная особенностями того или иного экономического района, причем они взаимно дополняли одно другое по своему хозяйственному "профилю". Заслугой В. Г. Орлова, в данном случае, является лишь удачный выбор их, возможность которого ему была предоставлена. О стремлении Орлова к рациональному ведению хозяйства говорит тот факт, что в вотчинах центрального района он и не пытался заводить крупное сельскохозяйственное производство, так как в условиях экстенсивной системы хозяйства природные условия здесь были мало благоприятны для этого. Безусловно, Орлов был знаком и с материалами комиссии А. Волынского, изучавшей вопрос о наиболее удобных для развития коневодства и скотоводства районах. Не случайно конные заводы Сидоровского и Отрады были переведены на воронежские земли, где в середине XIX в. были организованы товарные скотоводческие фермы. Хреновский конный завод, по мнению специалистов, находившийся на уровне современных достижений в этой области, был создан также на степных воронежских землях.

В конце XVIII в. все имения Орловых были оброчными (кроме Усолья). В бывших дворцовых владениях, где крестьяне ранее находились на оброке, Орлов не вводил барскую запашку, предоставляя крестьянам заниматься традиционными видами промыслов. Там же, где условия земледелия и земельные резервы позволяли ведение зернового хозяйства, применялась

²² ОР ГБЛ, 2,50, л. 2; 3, 4, лл. 2—3; 3, 2, лл. 1—1 об.; Архангельский, С. И. Симбильская вотчина В. Г. Орлова (1790—1800) — Нижегородский Краеведческий сборник. Н. Новгород, 1929, с. 68, 173; ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, ед. 1450, л. 1; Орлов-Давыдов, В. П. Указ. соч. Т. 1, с. 82.

²³ ОР ГБЛ, ф. 219, 3, 20, лл. 1—17; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. 1216, лл. 1—3.

²⁴ ОР ГБЛ, ф. 219, 3,25, л. 42; Минарик, Л. П. Происхождение и состав земельных владений крупнейших помещиков России конца XIX — начала XX в. — В: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР, сб. 6. М., 1965, 373—374.

смешанная форма ренты или барщина (Симбильская, Семеновская, Усольская вотчины). Причем в Усолье форма ренты на протяжении 70 лет несколько раз менялась: с 70-х годов XVIII в. до 1805 г. вотчина была на барщине, с 1805 г. до 30-х годов — на оброке, с 30-х годов до 1861 — снова на барщине²⁵. Усолье еще в начале 80-х годов XVIII в. производило 6240 тонн товарного хлеба в год, поэтому его хозяйство неоднократно перестраивалось в зависимости от рыночных условий сбыта хлеба и экономического состояния крестьянского хозяйства, в связи с чем менялась и форма ренты.

В. Г. Орлов обращался к ученым с просьбой об обследовании своих имений. Так И. И. Лепехин, акад. П. С. Паллас и И. П. Фальк, ездившие в Симбирск и Уфу, выполнили поручение Орлова и выбрали наиболее подходящее место для постройки дома. Лепехин в письмах к Орлову подробно описал почвы и источники, лесные угодья, найденные им залежи горючих сланцев. П. С. Паллас, осматривавший с. Усолье, обнаружил залежи угля на берегу Волги около Симбирска²⁶.

Все сколько-нибудь сложные хозяйствственные вопросы семьи решались с участием В. Г. Орлова. Еще в 1773 г. во все вотчины Орловых был разослан указ за подписью старшего брата Ивана о том, что В. Г. Орлов является главным управителем всех вотчин и все рапорты в домовую контору должны адресоваться ему²⁷. Все это дает основание назвать его автором всей хозяйственной политики, проводившейся Орловыми в своих имениях. Собственно, В. Г. Орловым и был выработан „свод“ частно-феодального права, применявшийся в его вотчинах и именах родственников и вобранный в себя опыт, накопленный в процессе управления имениями в 70-х — 90-х годах XVIII века.

* * *

Наличие крупных имений и их разбросанность по различным губерниям требовало создания аппарата управления. Главная роль в управлении всем хозяйством, как мы уже отметили, принадлежала В. Г. Орлову. Нити управления всеми поместьями сходились в его московской домовой конторе, которую возглавлял управляющий. В „Отраде“, — постоянном местопребывании Орлова, все дела велись домоуправителем (дворецким). Дела отдельных вотчин поступали в московскую домовую в определенные „столы“ к соответствующим конторщикам.

Большая часть управляющих и конторских служащих Орлова происходила из его же крестьян или дворовых слуг. В начале XIX в. появляются и чиновники, исполняющие роль поверенных по различным юридическим и судебным делам²⁸. Все поступавшие в контору дела из вотчин, а также отправлявшиеся конторой распоряжения и приказы имели соответствующие номера, под которыми они вносились в журналы входящих и исходящих дел. В конце каждого года составлялись описи решенным и нерешенным делам, которые с различными „книгами“ отправлялись из вотчин на проверку в контору. Порядок делопроизводства был зафиксирован в „Уложении“ (гл. 1, 2, 7).

Донесения по делам, решение которых зависело от домовой конторы, должны были представляться ей „со мнением“ правления о способе их

²⁵ Катаев, И. М. На берегах Волги. Челябинск, 1948, с. 43.

²⁶ ОР ГБЛ, ф. 219, 55.73, л. 28; 53.62.

²⁷ Орлов-Давыдов, В. П., Указ. соч. Т. 1, 269—270.

²⁸ ЦГАДА, ф. 1273, ап. 1, ед. 2554, л. 8.

решения, о мере наказания виновных. В случае отсутствия „мнения“ правления, дела или отсылались обратно, или сдавались в архив без рассмотрения. Подобные дела писались в двух экземплярах, отсылавшихся в контору, один из которых, с резолюцией о решении возвращался в правление, а второй оставался в конторе. Конторщики, в свою очередь должны были докладывать В. Орлову о всех делах „со мнением“ (основой которого было мнение правления) о их решении, а Орлов своей резолюцией подтверждал решение конторы или же отменял его. Как видим, система делопроизводства была довольно бюрократической, в результате чего на местах она часто нарушалась, а лучшим средством ускорения решения дела становились взятки членам правления и конторщикам. Подобный порядок делопроизводства был характерен для всех крупных землевладельцев (Шереметевых, Воронцовых)²⁹. Тем не менее, следует отметить, что В. Орлов с самого начала своей хозяйственной деятельности стремился привлечь в качестве управляющих и доверенных, людей опытных в торговых и хозяйственных делах, а не бюрократов, в отличие, скажем, от Воронцовых, которые переходят к такой практике гораздо позже³⁰.

На местах управление осуществлялось вотчинными правлениями во главе с бурмистрами (в оброчных вотчинах) и управляющими (в барщинных). Вотчинное правление состояло из бурмистра и двух его помощников, шести мирских судей („шестигласных“) для разбирательства споров между крестьянами, денежного старосты, земского, который обыкновенно был постоянным и назначался из дворовых, реже из крестьян. Все эти должности в вотчинах Орловых занимали грамотные крестьяне.

Основой любого решения домовой конторы и правлений являлись инструкции и „Уложение“ В. Орлова, которые подробно регламентировали права и обязанности вотчинной администрации и мирских органов самоуправления, внутреннюю жизнь вотчины и ее сношения с внешним миром, строго охраняя интересы помещика и крепостную дисциплину.

Управление в вотчинах Орловых строилось на сочетании приказного и выборного начал. Все внутривотчинные вопросы, начиная с наделения землей и раскладки повинностей до семейных дел крестьян, отдавались на усмотрение общины и выборных властей. Компетенция мировского общества в вотчинах Орловых рассмотрена В. А. Александровым³¹, поэтому мы не будем специально останавливаться на этом вопросе, а лишь по мере необходимости.

Еще В. И. Семевский отмечал популярность „Уложения“ Орлова у других помещиков, в частности, он упоминает о том, что оно почти без изменений было заимствовано близким знакомым Орлова — кн. Оболенским. И. Ф. Петровская также считала, что уложение В. Орлова 1800 г. как образец хранилось в архиве Паниных³². Но здесь скорее имело место другое: дочь В. Орлова — Софья, в 1790 г. вышла замуж за Н. П. Панина, а часть имений Орлова, полученных ею по наследству, управлялась по-прежнему на основе орловского уложения до ее смерти. К тому же во время пребывания Н. П. Панина за границей (1791—1804 гг.) В. Орлов управлял имениями своего зятя³³. Управление же в вотчинах самих Паниных значительно отличалось от управления Орлова, мирское самоуправление там было более ограничено.

²⁹ Индова, Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX века. М., 1955; Щепетов, К. Н. Указ. соч.

³⁰ Индова, Е. И. Указ. соч., 48—49.

³¹ Александров, В. А. Указ. соч.

³² Семевский, В. И. Указ. соч., с. 243; Петровская, И. Ф. Указ. соч., с. 24 (сноска).

³³ ГИМ ОПИ, ф. 4, ед. ед. 33—39; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. ф. 1274, оп. 1, ед. 1081, л. 54, ед. 1119, л. 86.

Подход к управлению имениями определенной части помещиков, главным образом тех, которые почти не жили в деревне и по этой причине плохо разбирались в конкретных хозяйственных вопросах, выразительно показан в записках декабриста М. С. Лунина. Лунин так определяет свою программу: „ . . . 1(стараться узнать наиточнее наблюдаемый порядок и, оставя его в своем течении, смотреть, что и как делается и тогда) буде б что не нравилось, или б не согласовалось с лучшим опытом, тогда переменить, но не прежде однажды, как поговоря с умными из крестьян и хозяевами о том, как есть и как бы быть должно, и внушить им намеренную (предполагаемую) перемену способом не самовластным, но снисходительным“³⁴.

В. Г. Орлов придерживался того же принципа в начале своего хозяйствования. В 1773 г. Орловы затребовали из своих вотчин сведения о порядке мирского управления, о функциях мирских сходок, выборных, раскладке тягла, рекрутской очереди и т. п., словом, по всем внутренним вопросам жизни вотчины. После покупки Симбильской вотчины в 1790 г. в первом своем приказе в вотчину В. Г. Орлов писал: „Впередь до приказания разпорядок . . . вести по тем же правилам по каковым до сего происходил“, и далее приказывал бурмистру, земскому и двум лучшим крестьянам, разбирающимся в хозяйстве не медля приехать в Москву с точным планом вотчины, так как Орлов желал „подобно знать о порядке вотчином, лесах, покосах и других выгодностях“³⁵. Все эти меры, несомненно являлись необходимой подготовкой к написанию общей инструкции по управлению вотчинами.

Так как в дальнейшем неоднократно упоминается Сидоровская вотчина, то необходимо сказать о ней несколько слов. В Костромской губернии было немало крупных промысловых сел, в основном помещичьих, которые к середине XIX в. приобрели городской облик³⁶. Село Сидоровское вместе с с. Красным являлось центром ювелирного промысла Костромской губернии, известного с XVI в. „Село Красное, — писал В. И.— Ленин, — центр ювелирного промысла, охватывающего 4 волости и 51 селение (в том числе Сидоровскую волость Нерехтского уезда) и в них 735 дворов и около 1706 работников, — один из центров нашей „народной капиталистической манифактуры“³⁷. Село Сидоровское впервые упоминается в XVI в., когда оно принадлежало боярину Федору Мстиславскому. С XVI в. оно числилось в дворцовых владениях, вплоть до пожалования его Орловым в 1773 г. Сидоровская вотчина включала в себя с. Сидоровское, находившееся у впадения р. Шачи в р. Кострому, недалеко от ее слияния с Волгой, и 28 окрестных деревень и приселков. В конце XVIII в. в ней насчитывалось около 3 тыс. человек. Природно-географические условия района обусловили преимущественно торгово-промышленный характер крестьянского хозяйства, что было типично для южных, наиболее промышленно развитых районов Костромской губернии. Специфика хозяйства вотчины состояла в распространении здесь (особенно со второй половины XVIII в.) ювелирного промысла.

³⁴ Александров, В. А. Указ. соч., 84—88. Семевский, В. И. Указ. соч. Т. 1. СПб., 1903, с. 239.

³⁵ Орлов-Давыдов, В. П. Указ. соч. Т. 1, с. 271; ОР ГБЛ, ф. 219, 4. 18, лл. 1—6.

³⁶ Водарский, Я. Е. Промышленные селения Центральной России. М., 1972, с. 145, 146, 174; Федоров, В. А. Помещичьи крестьяне Центрально-Промышленного района России конца XVIII — первой половины XIX в. М., 1974, 129—132.

³⁷ Ленин, В. И. Полн. собр. соч. Т. 3, с. 421.

Необходимо коротко остановиться на росте феодальных повинностей. В 1750 г. феодальные повинности с 1 д. м. п.³⁸ в год составляли в среднем 2,65 руб. сереб. Оклад пашенных крестьян в 1,6 раза превышал оклад непашенных (занимавшихся рыбным и ювелирным промыслами). В 1773 г. Орловы, получив вотчину, повысили оброк до 4 руб. сереб. с души. По мирскому приговору в оклад были положены и непашенные крестьяне. В вотчине применялся дифференцированный оброк. При раскладке тягла учитывался не только размер надела, но и промысловые доходы крестьян. В дальнейшем оброк повышался в 1801 г. (до 6 руб.) и 1811 г. (до 11 руб.). Наиболее быстрый рост оброка приходится на 1773—1811 годы. Характерно, что в оброчных вотчинах крестьяне Орловых в конце XVIII — начале XIX вв. платили более высокий оброк, чем в среднем по району, а к середине XIX в. (в 30-х — 50-х годах) более низкий, что соответствовало динамике изменения роста доходов крестьян. Проведенные нами расчеты доходов отдельных крестьянских хозяйств показали неравенство в тяжести оброчной эксплуатации для различных групп хозяйств³⁹.

Результаты анализа хозяйственного положения крестьян Сидоровской вотчины говорят о росте интенсивности эксплуатации в 30-х — 50-х годах XIX в. по сравнению с концом XVIII в. О том же свидетельствует и тот факт, что недоимки становятся хроническим явлением с 30-х годов XIX в., несмотря на то, что размер оброка в этот период был снижен почти вдвое (с 11 до 6 руб. сереб.). Однако абсолютные размеры недоимок сравнительно невелики, что являлось результатом политики самого помещика.

Изучение хозяйственной состоятельности крестьянских хозяйств показало следующее: в 1845 г. к беднейшей группе относилось 54,5% дворов и 44,7% населения, к средней — 38,9% дворов и 46,6% населения, к зажиточной — 6,6% дворов и 8,3% населения, то есть в сумме крайние группы преобладают, что говорит о глубоком расслоении крестьян⁴⁰.

Каким же образом все эти процессы, происходившие в хозяйстве вотчины, отражались в нормативных документах помещика и в организации управления вотчиной? Попытаемся ответить на этот вопрос.

* * *

До сих пор первым нормативным документом В. Г. Орлова считалась инструкция 1790 г. из 17 пунктов для Симбильской вотчины, купленной им в том же году, содержащая основные указания по регулированию взаимоотношений крестьянского мира с помещиком. Однако первой инструкцией Орлова, без сомнения, являлась обнаруженная нами в Сидоровском фонде инструкция В. Г. Орлова от 18 июля 1774 г. (то есть, написанная на 16 лет раньше, через год после вступления во владение вотчиной), состоящая из 24 статей, в которых угадываются будущие статьи „Уложения“. Инструкция подписана самим Орловым, им же сделана в конце приписка о раскладке оброка в

³⁸ 1 д. м. п. — 1 душа мужского пола — помещичьими и государственными повинностями облагались только мужчины, с момента введения Петром I „подушной подати“.

³⁹ Тасева, Г. К. Помещичья вотчина нечерноземной полосы России в конце XVIII — начале XIX в. (По материалам Сидоровского вотчинного правления Орловых и Паниных). Библ. указ. ИНИОН. История, археол., этнограф. М., 1981, № 6, деп. № 6791.

⁴⁰ Тасева, Г. К. Указ. соч.

первую очередь на тех крестьян, которые „в состоянии хорошем“. Документ плохой сохранности, поэтому дословно восстановить можно лишь часть статей⁴¹.

Первая инструкция В. Г. Орлова 1774 г. „Села Сидоровского бурмистру с крестьяне“ нетипична по своей структуре⁴². Она начинается не с правил, касающихся управления или делопроизводства, как прочие помещичьи инструкции, а с предписания противопожарных мероприятий (ст. 1—8). Сидоровское было торговым селом, еженедельно в нем проводились торговые ярмарки, в селе имелись воскобойни и салотопни, поэтому пожары были частным явлением. Вероятно, инструкция и была написана по поводу возникновения очередного пожара. Орлов приказывал не строить бани вблизи домов, а переносить их на более безопасное место, отвести для торговой площади место в центре села и не застраивать его, иметь необходимый инвентарь для тушения пожаров и хранить его в определенном месте. А если выгорит часть села, то не строить дома на старых местах, плотно друг к другу, а оставлять переулки. Крестьяне старались строить дома как можно плотнее друг к другу из-за экономии пахотной земли. Приказывалось также установить противопожарное дежурство и не крыть крыши соломой. Все эти статьи в более развернутом и законченном виде вошли позднее в „Уложение“ 1796 г.

Пожары случались ежегодно, если не во всех вотинчах, то в нескольких и наносили большой материальный ущерб не только крестьянам, но и помещику, который в этом случае „прощал“ погоревшим годовой или полугодовой оброк и должен был выделить безвозмездно лес на строительство изб. Поэтому противопожарные мероприятия имели прямое отношение к вопросу о доходах помещика, чем и объясняется его внимание к противопожарным мероприятиям.

Далее в инструкции речь идет о „беспорядках“ в вотчине (ст. II—12). „Несогласия мирские мне очень противны“, — писал Орлов, сетуя на то, что „смышленные старики“ вместо того, чтобы „несмышленных соглашать“, сами враждают, не взирая на его приказания „жить как братьям“. Беспорядки, о которых идет речь, скорее всего были вызваны произошедшими в вотчине в это время земельным переделом, по поводу которого незадолго до этого Орлов приказывал бурмистру смотреть, чтобы раскладка земли была сделана „по справедливости“ и „не обижали бедных“, в противном случае, грозил он бурмистру, „без наказания не оставлю“⁴³. В этих статьях отразилась внутривотчинная борьба между зажиточной верхушкой и бедными слоями крестьянства за плодородные земли.

Статьи 13—24 инструкции касались непосредственно хозяйства и управления. Орлов приказывал запретить крестьянам въезд в Жарской лес, половину он оставлял за собой (ст. 13), регулярно присыпать сведения о посевах и урожае хлеба (ст. 14), ежегодно составлять списки родившихся и умерших крестьян и присыпать в контору (ст. 15—16). Последние меры были необходимы для строгого контроля за количеством тяглецов и размерами урожая.

Статья 17 касалась выборов миром бурмистров и других мирских должностных лиц, которым мир должен был повиноваться, а в противном

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, ед. 92, л. л. 1—3.

⁴² Там же, ед. 91, л. л. 1—5.

⁴³ Там же, ед. 92, л. 5.

случае миру „ожидать бы прикащика“, — угроза, типичная для инструкций XVIII в., которая основывалась на страхе крестьян перед приказчиком, как правило, происходившим из некрестьянского сословия, и их привязанности к традициям мирского самоуправления.

Статьи 18—21 касались выдачи замуж крестьянских девушек и разрешения семейных разделов в случае „крайней нужды“. Далее Орлов приказывал „всякие полгода присыпать... роспись кто из крестьян в отлучке и в которых сторонах и городах“. Из этого следует, что отходничество в вотчине имело постоянный характер, против чего Орлов не возражал (ст. 22). На работу по найму в Сидоровской вотчине предписывалось брать крестьян, имевших отпуска, и не держать беглых (ст. 23). О делопроизводстве было сказано лишь, что все дела должны быть в порядке, чтобы если „понадобится справку сделать... тотчас можно было“ (ст. 24).

В приписке говорится о раскладке оброка в первую очередь на зажиточных. Здесь же определялась и плата бурмистру — 60 руб. в год и 30 руб. — старосте. Таким образом особенности структуры и содержания инструкции 1774 г. говорят о том, что ее появление было вызвано конкретными нуждами управления. В ней обсуждались только вопросы, с которыми вотчинному правлению приходилось сталкиваться почти ежедневно: порядок на торговой площади, предупреждение пожаров, промысловое отходничество, наем работников, семейные разделы, раскладка тягла, проходившая в это время. Вотчина только что сменила своего владельца и в ней шла перестройка аппарата управления. В инструкции ничего не говорится о господских мельницах и лугах (то есть о хозяйстве самого помещика), что также подтверждает ее оперативный характер. С другой стороны, все перечисленные статьи в изменном или расширенном виде вошли позднее в соответствующие главы уложения 1796 г., что дает основание считать инструкцию 1774 г. его прообразом. Орлов только еще вступал в роль крупного помещика, возможно поэтому инструкция написана в увещевательном, „отеческом“ тоне, в отличие от Симбильской инструкции 1790 г. Кроме традиционных угроз „без наказания не оставлю“ и „ожидать бы вам прикащика“, в ней совершенно не затрагивается вопрос о наказаниях виновных, который неизменно присутствует во всех помещичьих нормативных документах.

Вторая инструкция В. Орлова 1790 г. по своей структуре ближе к Уложению, но отличается от него меньшей обстоятельностью и более категоричным тоном. В ней уже есть статьи о телесных наказаниях, функциях бурмистра и о неподаче прошений в контору мимо вотчинного правления, то есть статьи, направленные на укрепление крепостной дисциплины. Мы не будем на ней подробно останавливаться, так как она уже рассматривалась в литературе⁴⁴ и не имеет каких-либо принципиальных отличий от Уложения 1796 г.

Сидоровская вотчина была оброчной, поэтому основными материалами, характеризующими деятельность самого помещика, являются его приказы и распоряжения. Сохранившаяся распорядительно-исполнительная переписка в фонде правления, а также реестры приказов домовой конторы по различным вотчинам⁴⁵ 70—90-х годов XVIII в. также помогают проследить процесс

⁴⁴ Архангельский, С. И. Указ соч.; Богородицкая, Н. А. Вотчинные инструкции гр. В. Г. Орлова и В. П. Давыдова, как источник для изучения социально-экономической истории Симбильской вотчины с конца XVIII по 30-е годы XIX в. — Уч. зап. Горьков. унив., серия история-филология. Горький, т. 78, 1966.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1273, ед. ед. 2718, 2558а, 2569, 2571.

складывания „Уложения“. Среди приказов этого времени есть и такие, которые находятся с ним в прямом противоречии. Видимо, практика их отбросила. Это, в частности, приказы об отборании части надела у тех, кто не в силах его обрабатывать и передаче его желающим, а также приказ „о закладывании денег в оброк“ богатыми крестьянами за бедных⁴⁶. По всей видимости, эти положения не вошли в основной нормативный документ, так как встретили протест со стороны беднейшего крестьянства, против которого, в сущности, они были направлены. На практике же случаи, оговоренные в этих приказах, имели место, о чем будет сказано ниже.

Исследователями, занимавшимися до сих пор хозяйством Орловых, высказывались предложения об одновременном написании уложений для нескольких вотчин⁴⁷. Обнаруженный нами в ОР ГБЛ „Список вотчин, в которые разослано уложение“ рассеивает все сомнения на этот счет. Это копия с записки В. Г. Орлова, в которой говорится: „подписано мною 12 уложений: 1-е — в контору мою, 2 — хранится у меня, 3 — в Сидоровскую, 4 — в Поречье, 5 — в Борисоглебскую, 6 — в Романовскую, 7 — в Городец, 8 — в Ярославскую, 9 — в Семеновское, 10 — в Алистеево⁴⁸. У меня и в конторе моей оставленные, писаны точно против посланного в Сидоровское.“ Документ написан на бумаге 1796 г. и, видимо, относится к тому же году, судя по подписям конторщиков Уварова и Шершнева, служивших в это время в домовой конторе Орлова. Во всяком случае он появился до 1805 г., так как в списке нотчин не указана Усольская, первое уложение для которой было составлено в 1805 г.⁴⁹ Из сказанного также следует, что Сидоровское уложение являлось копией с хранившихся лично у В. Г. Орлова и в домовой конторе экземпляров, т. е., оно было основным уложением, что совершенно логично, учитывая наличие Сидоровской инструкции 1774 г. Далее, в том же документе указываются все различия между 12-ю перечисленными уложениями.

Эта сверка уложений, проведенная Орловым, не была случайной, так как при неточной переписке, пропускались отдельные статьи, из-за чего возникала неразбериха. Так, например, в „Уложении для Поречья“ опубликованном в 1911 г. М. В. Довнар-Запольским в 22 главе („о церкви божией“) отсутствуют три статьи: о порядке выборов церковного старосты, о церковной утвари и отдаче церковных денег в рост, которые должны в нем присутствовать. В Сидоровском уложении 1800 г., подписанном Г. В. Орловым (сыном В. Г. Орлова), по неизвестной причине отсутствуют 3 статьи (гл. 5) о сбавке тягла „маломочным“ крестьянам и о раскладке его на более зажиточных. Скорее всего это произошло при переписке, так как складка тягла применялась в вотчине и позднее. Указанные три статьи „о складке приличного числа душ“ с бедных крестьян, отсутствовали лишь в одном варианте уложения — для Ярославской вотчины. Различия в уложениях для отдельных вотчин объяснялись конкретными особенностями каждого хозяйства, которые оно учитывало. В этом отличие „Уложения“ Орлова от инструкций других помещиков, составлявших, как правило, типовую инструкцию для всех вотчин, без учета их специфики. Этот факт говорит о знании Орловым своего хозяйства.

При покупке имения или смене формы ренты помещик, как правило, посыпал в вотчину приказ или инструкцию за своей подписью, что являлось актом его фактического вступления во владение. Таковы поводы возникнове-

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, ед. ед. 509, 2545, ф. 1454, оп. 1, д. 1038, ед. 617, л. 3, ед. 650, л. 4.

⁴⁷ Богородицкая, Н. А. Указ. соч.; Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М., 1951, с. 30.

⁴⁸ Поречье, Алистеево и др. — имения В. Г. Орлова.

⁴⁹ ОР ГБЛ, ф. 219, 4, 17, л. л. 31—34.

ния инструкций Орлова, уложений 1800 г. (передача управления частью имений старшему сыну Орлова — Г. В. Орлову), 1831 г. (вступление в 1830 г. во владение Симбильской вотчиной В. П. Давыдова) и 1811 (Усолье лишь в 1808 г. стало единоличной собственностью В. Г. Орлова). Перевод Усолья в 1805 г. с барщины на оброк также вызвал необходимость составления нового уложения для оброчной вотчины.

О порядке составления уложения 1811 г. говорится в письме Орлова управляющему Усолья: „По воле моей ты вместе с конторщиком рассматривали уложения для других моих вотчин и сочиненное вчерне подписали вы оба. После я сам рассматривал оное и что рассудил — переменил“⁵⁰, что подтверждает конкретный подход Орлова к управлению каждой вотчиной.

Так как Сидоровское уложение было основным, то рассмотрим прежде всего его. Сидоровское уложение состоит из 24 глав и 185 статей. Из них 12 статей посвящены постановке учета и делопроизводства, 13 — порядку сбора и доставки оброка, 27 — правам бурмистра и выборных и порядку их назначения, 6 — сбору мирских сумм, 3 — мирским сходкам и поведению крестьян на них, 25 — порядку заключения браков, семейным разделам, опекунству. Статьи, касающиеся хозяйственной деятельности крестьян, содержатся в главах „о порядке, который наблюдать для сохранения кредита“, „о пашпортах . . .“, „о покупке людей“ — всего 26 статей. В целом, вопросам организации хозяйства, включая главу „о господских лугах“, посвящены 33 статьи или около шестой части всех статей (18%). Основное внимание в уложении уделяется организации аппарата внутривотчинного управления, обеспечению поступления доходов, регламентации внутренней жизни вотчины и отношениям крестьян с должностными лицами и помещиком. Такое соотношение типично для инструкций конца XVIII в.⁵¹ и подтверждает вывод о стремлении помещиков кодифицировать свое право на господство. Уложение первоначально было написано для оброчной вотчины, поэтому в нем отсутствовали какие-либо конкретные указания по земледелию и хлебопашеству. Лишь с вводом барщины в Симбильской (Нижегородской) и Усольской вотчинах появляется необходимость в соответствующих дополнениях.

Структура уложения 1796 г. еще недостаточно четкая, некоторые статьи, касающиеся близких вопросов, разбросаны по разным главам. Так, глава 12 включает статьи „О малолетних наследниках, о неспособных к управлению дому и об опекунстве“, а в главе 14 речь идет „о незаконнорожденных“, где также говорится о порядке установления над ними опеки или принятия их в „наследники“.

Довольно много места удалено в уложении вотчинной администрации, ее функциям. Главным лицом в вотчине, по определению уложения, был бурмистр (гл. I). Сменять его разрешения Орлова запрещалось. Миром выбирались также денежный староста, отвечавший за сбор и хранение оброка, сборщик, десятники, пятидесятники и сотники (от соответствующего количества дворов). Размер оплаты мирских должностей определялся миром (сельской общиной).

Функции бурмистра были довольно широки. Он при необходимости, советуясь с выборными, решал вопросы о выдаче паспортов, об отдаче крестьян в рекруты, о наказаниях, рассматривал прошения и жалобы

⁵⁰ Катаев, И. М. Крепостное вотчинное хозяйство крупного магната на Самарской луке. — В: В крепостную эпоху на средней Волге. Самара, 1934, с. 130.

⁵¹ Наиболее близко по содержанию уложение Орлова к инструкции Шереметева 1764 г. См. Щепетов, К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых, 1708—1885. М., 1947, 269—285.

крестьян, разрешал семейные разделы и браки, следил за состоянием хозяйства крестьян и их доходами. По доверенности графа бурмистр представлял его в сношениях с государственными учреждениями, совершаил торговые сделки и многое другое. Таким образом, бурмистр являлся представителем помещика в вотчине. „Писать на бурмистра“ жалобы в контору разрешалось лишь „лучшим людям“.

Уложение требует от бурмистра вести дела „наблюдая сущую правду, а ежели откроются притеснения или нападки, за оное бурмистр и другие судьи подвергнут себя наказанию“ (гл. I, ст. 5). Жалобы рядовых крестьян на бурмистров признавались „дельными“ крайне редко, чаще всего в тех случаях, когда затрагивались интересы помещика или вопросы морали. Наказывали бурмистров, как правило, денежными штрафами. Из всех видов их деятельности, практически подлежало мирскому контролю лишь расходование денежных средств.

Расходование мирских денег было под контролем мира и домовой конторы. На мирские сборы уложение требовало обязательного составления мирских приговоров (гл. 6, ст. 1), чтобы „не наносилось... миру не дельного отягощения“ (гл. 6, ст. 2). В конце года мирских деньгам составлялся счет, отсылавшийся на утверждение в домовую контору. При смене бурмистров их дела проверяла (ревизовала) мирская комиссия. При наличии начетов, недостающие суммы взыскивались с виновных. Надо сказать, что почти ни один бурмистр Сидоровского не ушел с должности без начета. Причиной перерасхода средств были не только злоупотребления, но и всякого рода „подарки“, делавшиеся от имени вотчины должностным лицам, которые комиссия признавала „не дельными“. В случае, если бурмистр допускал „упущения“, наносившие материальный ущерб графу, штраф взыскивался в пользу В. Г. Орлова; когда же от его действий страдали отдельные крестьяне или мир в целом, штрафные суммы, как правило, раздавались бедным. Реестр раздачи денег представлялся для контроля в домовую контору. Так, например, штрафы с Г. Касаткина (55 руб.) и А. Королева (100 руб.) были разданы бедным крестьянам (1792 г.). Позднее штрафные деньги не раздавались бедным, а засчитывались за них в счет оброка. Деньги же, взысканные за пропуски, допущенные при сдаче в аренду господских лугов в 1793 г. — 605 руб., поступили в контору. За ту же оплошность были оштрафованы на несколько сотен рублей бурмистры Чесноков и Моньков⁵².

Бурмистрами Сидоровского выбирались наиболее зажиточные крестьяне, платившие высокий оброк, поэтому в делах о наказаниях бурмистров и других зажиточных крестьян присутствует оговорка о том, что хотя провинившийся и заслуживает быть сданным в солдаты, граф из милости наказывает его денежным штрафом, а дополнительное наказание отдается на усмотрение крестьянского мира⁵³. Бурмистр и староста обыкновенно освобождались от тягла, которое раскладывалось на крестьян вотчины.

Чтобы все же поставить действия бурмистра под определенный контроль, Орлов использовал такое средство, как раскладка штрафа, наложенного на бурмистра, на „лучших людей“ (то есть наиболее зажиточных) вотчины, так как они-то и должны более других (гл. 7, ст. 5) „смотреть на порядком“.

В 1772 г. (за год до перехода вотчины к Орловым (сидоровские дворцовые крестьяне подали жалобу на дворцового управляющего, скреплен-

⁵² ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, ед. 527, лл. 3, об., 7; ед. 617, л. 1, об.; ед. 2303, лл. 1—25; ед. 559, л. 1 об.; ед. 617, лл. 5, 6; ф. 1274, ед. 1268, л. 18 об.

⁵³ Там же, ф. 1454, оп. 2, ед. 413, л. 18 об.

ную заручным мирским приговором, в которой просили комиссара Никитина от них „отменить“, так как он заставлял крестьян выполнять для его личной пользы различные работы, брал взятки и не рассматривал просьб и жалоб крестьян, не следил за порядком в вотчине. В заключение мир предлагал заменить управителя выборными из крестьян, так как волость была „невелика“⁵⁴. Это желание крестьян основывалось на их взаимосвязанности круговой порукой, иллюзии возможности контроля за выборным лицом из крестьян — бурмистром. С переходом вотчины к Орловым это желание крестьян было осуществлено. Однако сменяемость бурмистров была нерегулярной, случалось, что они занимали эту должность по несколько лет кряду. С другой стороны бросается в глаза то, что бурмистры были из одних и тех же семей, случалось, сын сменял отца. Это было обусловлено не только интересами помещика, но также и тем, что из зажиточных крестьян лишь немногие большую часть года находились в вотчине, что было необходимым условием для занятия этой должности. Крестьяне, занимавшиеся торговлей или ювелирным делом в других городах, стремились всячески избавиться от мирских должностей, что им удавалось, только если они от них откупались⁵⁵. В этой связи представляет интерес переписка правления с конторой по поводу отказа крестьянину З. П. Бутова — 38-ми лет, занять должность денежного старосты, так как он взял кредит и получил свидетельство „по 3-му роду“ на право торговли в г. Уральске. Бутов в прошении на имя Панина (1853 г.) ссылался на плохое здоровье, малолетство детей (у него была одна дочь) и на то, что он „кредитовался“ на этот год. Бутов также напоминал, что тягло он несет за 5 душ, а мир не желает выдать ему паспорт. В ответ на запрос Панина правление отвечало, что Бутов не первый раз отлынивает от должности, тогда как „все крестьяне грамотные и способные занимать должности по выбором общества, даже живущие в отдалении от вотчины издревле были избираемы в должности и каждой из них без всяких прекословий проходил в свою очередь назначенню ему должность, а весьма многие проходили не один раз“. Здесь же отмечалось, что Бутов не желает нанять за себя кого-либо за плату, поэтому на этот раз мир его не освобождает, а что относится до кредита, то он был заранее предупрежден о том, что выбран на должность. „При состоянии своем и при соблюдении справедливости в своих действиях на должности временной, не должен кажется понести никакого убытку в сравнении с несостоятельным“⁵⁶, замечало правление. В случае отказа Бутов обязывался уплатить миру двухлетнее жалованье старосты (по 17 руб. сереб. в месяц). Большинство сохранившихся сведений об отказах от должностей относятся к 50-м годам XIX в. Это объясняется возросшей хозяйственной активностью зажиточного крестьянства, его отрывом от земледелия.

При сменах бурмистров в вотчине часто происходили стычки между отдельными „группировками“. Борьба отдельных кланов за своего кандидата приобретала часто жестокий характер. Орлову приходилось расследовать подобные дела, а Н. П. Панин в 1844 г. с раздражением приказывал управляющему прекратить „беспорядки при смене бурмистров“⁵⁷, что характеризует рост антагонизма между отдельными группами, составлявшими сельскую верхушку.

Изменения в статьи, трактующие статус бурмистра, вносятся лишь в Уложении 1831 г. В. П. Давыдовым. Он разделил уложение на две части и

⁵⁴ Там же, ед. 70, лл. 1—1 об.

⁵⁵ Там же, ед. 2893, л. 7; ед. 2384, лл. 1—3; ед. 2661, лл. 1—7.

⁵⁶ Там же, ед. 2661, лл. 2—3, л. 5 Об., лл. 6—7.

оговорил это в предисловии: „Главное начальство в вотчине имеет бурмистру, а собранию выборных крестьян поручено советование о нуждах и представление мне крестьянских просьб. По сему Уложение сие разделено на две части, в первой — определена власть и должность бурмистра, во второй — образ, коим собрание выборных должно быть составлено и как должно исправлять вотчинные дела“. На первый взгляд речь идёт об усилении роли мирских органов в контроле над бурмистром. Но это предисловие носит явно демагогический характер, что показывает и ст. 2 первой главы, содержание которой таково: „ежели приговор выборных не удовлетворяет вполне бурмистру, то должен он предостановить дело“⁵⁸ (подчеркнуто нами — Г. Т.). Поскольку выборными были также „исправные“ крестьяне, то казалось бы, их мнения и мнение бурмистра должны были совпадать. Исходя из этого следует считать, что эта статья имела в виду подчеркнуть, что основная задача бурмистра — следить за соответствием всех действий общины и выборных интересам помещика, которые могли не совпадать с интересами не только беднейшей прослойки, но и зажиточного слоя.

Вопрос уплаты подушной подати и выполнения других государственных повинностей в уложении В. Г. Орлова не регламентируется, в отличие, к примеру, от инструкции М. М. Щербатова, который подходит к нему с исключительной дотошностью⁵⁹. Для Орлова как бы само собой разумеется, что подати должны уплачиваться регулярно и в положенное время. Из переписки также видно, что прений по этим вопросам между ним и вотчинным правлением не велось. Это, однако, не означает, что Орлова не интересовали отношения его крестьян с государственными инстанциями. Как и все помещики он стремится оградить свои вотчины от посягательств чиновников и сократить до минимума их контакты с вотчиной. Отсюда запрещение держать в вотчине беглых и беспаспортных, что могло дать повод к приезду чиновников, чем „часто наносятся селению большие хлопоты, даже и разорение“ (Улож. 96, гл. 16, ст. 9—12). Запрещение держать в вотчине беглых и беспаспортных диктовалось также и интересами помещика в укреплении крепостной дисциплины и охраны „спокойствия“ в вотчине. Обращаться в суд следовало также, взяв соответственные предосторожности, чтобы „не подать случай к разным прицепкам“. В своих приказах В. Г. Орлов прямо советовал иной раз дать взятку, лишь бы избавиться от присутствия представителей власти в вотчине⁶⁰.

В 1775 г. во все вотчины был разослан приказ „О непоказывании приказов его сиятельства и конторских в присутственных местах и посторонним“, что относилось в основном к чиновникам, о „прицепках“ которых шла речь в уложении. Другой причиной, по которой чиновникам не следовало заглядывать в Уложение и приказы, было отношение Орлова к „питейным домам“. Орлов всячески пытался избежать строительства подобных заведений в пределах своих вотчин. У бурмистра Королева, ревностно исполнявшего заповедь Орлова „крестьян от пьянства унимать всеми средствами“, даже возник конфликт на этой почве со становым приставом, который грозился расправиться с Королевым за то, что он не пускает вотчинных крестьян в питейный дом⁶¹.

⁵⁷ Там же, ед. 2006, ф. 1274, оп. 1, ед. 1268, л. 28.

⁵⁸ Богородицкая, Н. А. Указ. соч., 164—165.

⁵⁹ Сретенский, Л. В. Помсичья инструкция второй половины XVIII века. — Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960, 197—211.

⁶⁰ Архангельский, С. И. Указ. соч., с. 172.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 1, ед. 531, лл. 76, 77.

Уложение предусматривало специальные меры помощи „маломочным“ семействам (гл. 5, ст. 8), с которых предписывалось „снимать приличное число душ, а землю от них за снятие душ отнюдь, не отбирать; дабы оные, пользуясь ею без всякой платы, могли поправиться... снятые души накладывать на прожиточных“⁶²... Это относилось также и к государственным и мирским повинностям. Сбавку или прибавку окладных душ утверждал мир. Реестр „облегченных“ крестьян отсыпался ежегодно в контору. Общее число „окладных душ“, как правило, оставалось неизменным или увеличивалось. Эта статья о дифференцированном обложении, как мы уже говорили, присутствует во всех редакциях уложения, кроме уложения 96 года для Ярославской вотчины и Симбильской инструкции 1790 года, что, вероятно, объясняется ее общим характером⁶³. Уложение 96 г. разрешало и сдачу наделов и наем в случае крайней необходимости (гл. 18). На практике сдача наделов в „кортому“ (аренду) была широко распространена в Сидоровской вотчине, в связи с неземледельческим характером промыслов крестьян. Усольское уложение 1811 г. запрещало сдачу земли только посторонним крестьянам (гл. 24), что расширяло размеры землепользования зажиточных крестьян.

Нивелировке хозяйственного состояния крестьян служила и такая мера, как сдача потерявших тяглоспособность в солдаты. Во всех уложениях имеется этот пункт — как средство борьбы с „нерадивыми“ и „порочными“ крестьянами. Он носил и „дисциплинарный“ характер. Во время избавляться от таких отягощавших вотчину элементов мирское общество должно было само, что оно и делало⁶⁴. На отдачу в солдаты вне очереди (также как на поселение и на отлучение от вотчины) необходимо было иметь санкцию самого Орлова. Делать это без его ведома бурмистру и миру запрещалось (гл. 7, ст. 6). После приобретения Сидоровской вотчины Орлов велел выслать из нее всех дворцовых крестьян „дурного состояния“, не вошедших в число его крепостных. В дальнейшем он продолжал эту политику „освобождения“ своих имений от бедноты.

Особенно трудно было миру сдать в рекрутты вне очереди крестьян-отходников, живших в других городах — в Петербурге, Уральске, Астрахани, так как узнав о грозящей солдатчине, они легче могли укрыться от набора. Во избежание этого в вотчинах Орлова (в том числе и Сидоровской) существовал особый порядок, зафиксированный в З статье 8 главы „О рекрутстве“, которая требовала от вотчинных властей тайно сообщать в домовую контору о кандидатах, намеченных к отдаче в рекрутты, и получив согласие, брать их под стражу. А уже затем сообщать об этом решении на мирской сходе и „от миру... требовать приговор“. Как видим, хорошо понимая значение для крестьян традиций мирского самоуправления, Орлов все сколько-нибудь важные решения, касавшиеся жизни вотчины, стремился скрепить мирскими приговорами.

Тем же целям поддержания хозяйственного состояния крестьян на необходимом уровне служило и запрещение свободных семейных разделов, установление опеки над хозяйством крестьян, которые по мнению правления „вместо приращения капитала своего уменьшают оный“ (гл. 10, ст. 4; гл. 12, ст. 1). Разрешалось и поощрялось принимать бедных крестьян в дом к зажиточным в качестве зятьев, наследников и приемышей на определенных

⁶² „Душа“ — в данном случае — окладная единица, использовавшаяся в вотчине при раскладке повинностей (не соответствует душе мужского пола).

⁶³ ОР ГБЛ, ф. 219, 4,17 л. 31, 4,18, лл. 1—6.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1454, оп. 2, ед. 80, л. 2.

условиях. Подобные сделки позволяли зажиточной части деревни приобретать дополнительные рабочие руки, а также рекрутов, так как приемышей, обыкновенно, отдавали вместо сыновей (гл. 13, ст. 6). Не было упущено ничто, касавшееся интересов помещика, в том числе определение обязательного брачного возраста для женщин в 20, а для мужчин — 25 лет (гл. 13, с. 6, 9), а также предписание о воспитании „подкидышей“, на которых было необходимо брать „владенные указы“ (гл. 14, ст. 3).

Таким образом, уложение 96 года предусматривало целую систему мер по поддержанию тяглоспособности крестьян, от которой зависело в конечном счете благосостояние помещика, и учитывало все возможности увеличения доходов помещика за счет увеличения числа тяглецов. Подобные меры предусматривали и инструкции Румянцева, Голицына, Шереметева⁶⁶. Таким путем помещики стремились задержать становившийся очевидным процесс социального расслоения крестьян.

Из мер, в какой-то степени облегчавших положение беднейших крестьян, кроме сбавки тягла, можно назвать также „прощение“ оброка погоревшим и бесплатное выделение им леса на постройку домов и для домашнего обихода и отопления, раздачу штрафных сумм.

В. Г. Орлов не препятствовал отходу крестьян на заработки и различного рода промысловой и торговой их деятельности. Это отражено и во всех вариантах уложения. Он, правда, не требовал, как Щербатов, выгонять крестьян на заработки⁶⁷. Паспорта разрешалось выдавать тем, „кто не промотает заработанного“. Если же отходники по каким-либо причинам не могли вернуться в срок, то должны были уведомить бурмистра о продлении паспорта. На практике все зависело от воли бурмистра. Не вернувшихся в срок доставляли в вотчину под конвоем за их счет (подчеркнуто нами — Г. Т.), если они не высыпали в срок оброк. Таких крестьян бурмистр и выборные могли наказывать „по своему усмотрению“ (гл. 16, ст. 1—4). Уложение запрещало отпускать крестьян лишь „в Херсон и тамошний край... ибо в сей стороне много людей пропадает“ (ст. 5)⁶⁸. Посторонние крестьяне, работавшие по найму в вотчине Орлова, должны были иметь паспорта, для регистрации которых существовали особые книги.

Семнадцатая глава уложения посвящена развитию кредита и торговли. „Для распространения торгу и для цветущего состояния оного, ничто так не нужно как кредит или добрая вера“, — говорится в ней. В ней предписывалось: бурмистру наблюдать за осуществлением кредитных операций и в случае необходимости ссужать крестьян деньгами, следить за тем, чтобы все сделки совершались письменно, во избежание споров и тяжб. В то же время Орлов советовал „крестьянам через переторжку друг друга не подрывать, а паче старались бы подавать взаимную помошь“. За нарушение этих положений вотчинное начальство должно было наказывать виновных. Соблюдение всех этих условий, по мнению В. Г. Орлова, должно было привести к расширению торговли и увеличению доходов крестьян (ст. 1—4). Это противоречие характерно для инструкций второй половины XVIII в.: с одной стороны — стремление к нивелировке хозяйственного уровня крестьян, с другой — поощрение их торгово-промышленной деятельности, сулившей явные выгоды, с третьей — ограничение торговой конкуренции. Едва ли оно

⁶⁶ Щепетов, К. М. Указ. соч., 269—285 (пункты 64—65; Рубинштейн, Н. Л. Указ. соч., 141—142).

⁶⁷ Сретенский, Л. В. Указ. соч., с. 210.

⁶⁸ Речь идет о южных губерниях России, где селились беглые крестьяне и откуда помещикам было трудно их вернуть.

не замечалось самими авторами инструкций, но желание повысить платежеспособность крестьян было вызвано необходимостью.

Уложение позволяло крестьянам покупать „для услуг своих работников или работниц“ с разрешения бурмистра (на имя помещика). Бурмистр должен был следить за тем, как хозяин обращается с купленными людьми и если он будет их „отягчать лишиею работою и „наказывать не дельно“, то позволяет отбирать от них людей и без всякой заплаты им“ (гл. 15, ст. 1—6). Помещику это было выгодно — число его крепостных увеличивалось. Ленивых же наказывать разрешалось и даже в правлении (ст. 7). В той же главе строго запрещалось покупать на чужое имя недвижимость и людей. О подобных случаях бурмистр с выборными и лучшими людьми должен был „представлять со мнением, какому наказанию подлежит и ожидать решения“ (ст. 9).

Глава седьмая предусматривала порядок подачи жалоб и прошений. Подача жалоб в контору мимо вотчинного проявления строго запрещалась. Все вопросы внутренней жизни должны были решаться в правлении и через него. В том случае, если просьба, поданная в главную контору, признавалась „не дельной“, подавший ее подвергался, как правило, телесному наказанию (по решению правления)⁶⁶.

Несмотря на запрещения писать жалобы и посыпать ходоков, этот пункт уложения „О неподаче жалоб“ (гл. 7, ст. 1) постоянно нарушался, поэтому он подчеркивается и в уложении 1811 г., и подтверждается специальными приказами 1811 и 1821 гг. В 1811 г. контора писала в Сидоровское: „Многие крестьяне... подают (прошения — Г. Т.) прямо, иные присыпают по почте, а другие приходят сами, не известя начальство вотчинное, и не взяв от оного пропуск“. Контора приказывала прочесть соответствующую статью крестьянам и взять с них „подписки о слышании и исполнении“. Крестьяне, нарушая приказы, часто ссылались на то, что они не знали или не поняли их смысла⁶⁷. Кстати, сам Орлов неоднократно приказывал правлениям чаще читать уложение крестьянам, а желающим давать копии. Это должно было способствовать дополнительному контролю со стороны крестьянской массы за действиями правления. Столь частые нарушения этих приказов говорят о растущем антагонизме в крестьянской среде, о росте зависимости рядовых крестьян от зажиточных.

Уложение 96 г. в главе I предусматривает и физическое наказание: „Виновных наказывать розгами и батожьем, а плетьми не наказывать“ (ст. 15). Сечь плетьми запрещала еще инструкция 1790 г. Применение физического наказания к богатым крестьянам специально оговаривалось. Сначала их наказывали штрафом, но так, чтобы „не подорвать их торгу“, а если „начальство и мир усмотрит, что они непрочны и для вотчины вредны, то в страхе другим позволяет наказывать и сих на теле“ (гл. 7, ст. 5), что на практике случалось крайне редко. Как показывают журналы для записи наказаний крестьян, физическим наказаниям подвергались крестьяне, уличенные в кражбе, прелюбодеянии и неповиновении родителям.

Более жестоким был режим в тех вотчинах В. Г. Орлова, где в хозяйстве крестьян ведущую роль играло хлебопашество и периодически вводилась барская запашка: например, в Усолье находившемся на барщине, с восьмидесятих годов XVIII в. до 1804 г., а затем с 30-х годов XIX в.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, сд. 759.

⁶⁷ Там же, ф. 2763, л. 33; ф., 1454, оп. 2, сд. 1281, лл. 43—43 об.: ф. 1274, оп. 1, ед. 1273, л. 113.

Нетрудно заметить, что в уложении для Усолья 1811 г., появившемся на 15 лет позже уложения 96 года, В. Г. Орлов использовал накопленный за этот период опыт управления, в частности, Симбильской вотчиной, в хозяйстве которой было много общего с Усольем. Это самое пространное уложение. Оно содержит 27 глав и 199 статей, вероятно потому, что Усольская вотчина была самой крупной из всех вотчин Орлова и приносила наибольший доход. Вотчинное управление в Усольской вотчинной конторе возглавлялось управителем (управляющим) с огромными полномочиями, практически представлявшим и замещавшим здесь владельца. Эту должность долгие годы занимал И. Фомин, бывший парикмахер В. Г. Орлова, которого он возил с собой, будучи за границей, по различным фермам и заводам, и считал, что тот должен был кое-чему научиться⁷⁰. Фомин пользовался неограниченным доверием Орлова и благодаря этому довел усольских крестьян до разорения. Ревизия главной конторы подтвердила этот факт, убедился в этом и сам В. Орлов, посетивший в 1805 г. Усолье. Вотчина была переведена на оброк, но Фомин, непонятно почему, опять остался ее управляющим, хотя ревизия и открыла его многочисленные злоупотребления и взяточничество⁷¹.

В Усолье входило шесть волостей, от каждой избирался волостной (его полномочия близки к бургомистерским) на срок, определявшийся управляющим. В помощь волостному выбирали старост и по „шести человек для суждения дел“ — судей. В уложении 1811 г. гораздо более сильно выражена единоличность власти управителя и фиктивность мирского самоуправления. Вотчина, судя уже по Уложению, откровенно отдается в руки „лучших людей“, но, тем не менее, в нем навязчиво повторяется, что на все решения и выборы волостных необходимо „делать мирские приговоры“ (гл. 4, ст. 3; гл. 3, ст. 2). Волостной и другие выборные должны были избираться только из людей „способных, верных, умных и совестных“, то есть зажиточных, преданных помещику крестьян. Избранных миром волостных утверждал управляющий. Сменять их без его разрешения запрещалось (гл. 3, ст. 2, 6, 14, 21). В 3 статьях, посвященных мирским сходкам, говорится о том, что собираться на сходки следует по повестке выборного, чтобы „шуму и озорничества отнюдь не было бы“, за что волостной мог отлучить „озорников“ от участия в сходках, и о необходимости на все решения схода „делать мирские приговоры“ (гл. 4, ст. 1—3). То есть, как видим, инициатива сбора сельской сходки исходила не от крестьян, а от выборного.

В этом уложении сохранены все статьи, касавшиеся исправления рекрутской повинности. Кроме того, здесь (в других вариантах этого нет) описан и порядок установления рекрутской очереди, что ранее являлось делом мира (гл. 9, ст. 6), то есть еще один вопрос был изъят из компетенции общины.

„Порочных“ предписывалось сдавать в солдаты и вне очереди, даже если их очередь „очищена“, а „негодных“ — отлучать от вотчины. Другими словами, недвусмысленно приказывается любым способом освобождать вотчину от экономически несостоятельных членов, не считая действительно деградировавшие элементы. В Уложении 11 г. это требование выражено в более категоричном тоне. Опять же напоминается о том, что необходимо „на пороки их делать мирские приговоры, прописывать именно, в чем состоят, и что к поправлению их нет надежды“. Ко всем прежним мерам „борьбы“ с бедностью здесь добавляются еще некоторые: „категорическое запрещение

⁷⁰ Орлов-Давыдов, В. П. Указ. соч. Т. 1, с. 213.

⁷¹ Катаев, И. М. На берегах Волги, с. 16, 18.

семейных разделов бедным, штраф за каждую необработанную десятину в размере 1 рубля (применялась в Симбильской вотчине), разрешение отдавать детей, потерявших одного из родителей, желающим „в приемы с условиями“, или же насилино распределять их по бездетным семьям. Статья о воспитании „незаконнорожденных подкидышей“ здесь завершается весьма красноречивым заключением: „Законы вообще дают право укрепления на них воспитателям, и ежели они будут воспитаны в помещичьих селениях, то и останутся навсегда крепкими тем, чьи селения“, то есть, станут крепостными данного помещика (гл. 13, ст. 4).

Интересно то, что в отличие от Уложения 96 г., разрешавшего крестьянам покупать работников, уложение 11 г. категорически запрещает это: „Никому из крестьян не пользоваться покупать людей... для услуг своих, а кому надобно то иметь наемных“ (гл. 15, 1). По нашему мнению, появление этой статьи вызвано наличием свободных рабочих рук внутри вотчины и находится в прямой связи со следующим приказом домовой конторы, относящимся к тому же времени: „... во время жнитва крестьян, не имеющих своего посева, на сторону отнюдь не выпускать, а давать им работу у своих вотчинных крестьян по вольной цене (подчеркнуто нами — Г. Т.): а тем крестьянам, которые имеют довольноное количество в посеве хлеба и не могут обойтись в уброке одного без найма, строжайше подтвердить, дабы они посторонних работников не нанимали...“ Посторонних разрешалось нанимать на постоянную работу лишь в том случае, „когда недостаточно будет одновотчинных работников“. Приказ заканчивался угрозой в адрес управляющего, если приказ не будет исполняться и „крестьяне бедного состояния будут шататься по сторонам без пользы господину, обществу и себе, а весто их в работах у своих достаточных заниматься будут посторонние“⁷². То есть, необходимость покупки дополнительных рабочих рук отпала, так как в самой вотчине имелось достаточное количество крестьян, работавших по найму, о чем говорит второй приказ. Стараясь сохранить хозяйственную замкнутость вотчины и сократить внешние контакты своих крепостных, хозяин приказывает своим зажиточным крестьянам использовать наемный труд одновотчинных крестьян, но по вольной цене, так как рыночная цена рабочей силы в разгар сельскохозяйственных работ была выше. Невыгодность этого приказа для бедноты состояла в том, что большая часть ее была должна местным богатеям и потому внутривотчинный наем почти всегда носил принудительный характер, то есть, практически обеспечивал зажиточных крестьян бесплатной силой. Таким образом, этот приказ объективно защищал интересы сельской верхушки и искусственно задерживал развитие свободного найма.

Уложение 1831 г. было разделено на две части, содержало два „прибавления“, сделанные В. П. Давыдовым и предисловие (предисловие имеет и уложение 11 г.). Все это сделало его структуру более четкой и удобной для пользования. В предисловии говорится о функциях бурмистра и собрания выборных; второе „прибавление“ определяло размер выкупного платежа. В этом уложении нет главы о сохранении кредита, что было не нужно, так как к 30-м годам во всех имениях В. П. Орлова-Давыдова существовала барская запашка. Кредиты на покупку сельскохозяйственных орудий и скота давал крестьянам сам В. П. Орлов.

В оброчных вотчинах в какой-то степени постепенно ослаблялась личная зависимость крестьян от помещика по сравнению с барщинными. Может

⁷² Там же, с. 27.

быть, ярче всего это отразилось в Уложении в статьях „о позволении отдавать девок замуж за посторонных и о не вступающих в брак“. Инструкция 1790 г. запрещала выдавать девок в другие вотчины и предписывала „отцам за дочерей денег отнюдь не брать под опасением жестокого наказания“ (п. 15).

В Уложении 96 и 31 годов этого запрещения нет. „Выход“, как правило, брался „сопротивно состоянию“. Симбильское уложение определяет вывод в 88 руб. 80 коп⁷³. В 70-х годах XVIII в. в Сидоровской вотчине Орловы брали выводных 15 руб. За 1789 г. выводные деньги с нескольких девушек были равны: 100, 50, 40, 30 руб., то есть взимались „сопротивно состоянию“⁷⁴. Инструкция 90 г. и уложение 96 г. устанавливают денежный штраф за невыход замуж в соответствующих состоянию суммах. Бедных же, у которых нечем платить, разрешали наказывать батогами на сходе (отцов девушек). На практике, если крестьяне женились не на определенных правлением невестах, за нарушение приказа оба нарушителя подвергались телесному наказанию.

В уложении 1831 г. В. П. Давыдов проявил юридическое творчество в статьях о невступающих в брак, для которых он устанавливает своего рода налог, который взимался с женщин в возрасте с 20 до 30 лет, а с мужчин — с 25 до 35 лет. „Есть ли же девка до тридцатого года замуж выйдет, собранные с нее деньги возвращать“ (гл. 5, ст. 7). Уложение 31 г. в отличие от предыдущих, запрещает принимать телесное наказание как меру принуждения к замужеству или женитьбе, кроме того, В. Давыдов даже включает в эту статью теоретическое отступление: „На теле ни в каком случае не позволено наказывать, разве детей, не достигших 14 лет только, наказание способное для зверей, недостойно человека, ибо оно его предоставляет в виде раба и возбуждает в нем скорее ненависть к наказателю, чем желание исправиться“⁷⁵. Этую статью можно понять как отмену физических наказаний вообще. Н. И. Богородицкая не говорит о том, относилось ли это только к браку и есть ли в уложении 31 г. другие статьи, разрешающие применять физическое наказание.

В. П. Давыдов внес изменения в ст. 3 пятой главы, касающуюся также выхода замуж: „Если у крестьянина имеется только одна дочь, а сына нет, таковых не выпускать замуж за крестьянина чужой вотчины, дабы имение в посторонние руки перейти не могло, в сем случае крестьянин может откупиться со всей своей семьей, смотря по своему состоянию, а есть ли у него две или более дочерей, тогда он может выдать за постороннего“. Таким образом, по уложению Давыдова крестьянин, имеющий одну дочь и желающий отдать ее за иновотчинного крестьянина, мог это сделать лишь выкупившись со всей семьей. А в связи с тем что выкупы в 20-х годах участились, В. П. Давыдов внес в уложение и соответствующую статью, определявшую размер выкупного платежа „не менее трети капитала, . . . но ни в каком случае не менее двух тысяч рублей ассигнациями за ревизскую душу“⁷⁶. Таким образом, в вышеописанном случае крестьянин должен был заплатить минимум две тысячи ассигнациями, что было возможно лишь для зажиточных.

⁷³ Богородицкая, Н. А. Указ. соч., с. 164.

⁷⁴ ЦГАДА. Ф. 1454, оп. 1, ед. 446; ед. 190, л. 2, 3; ед. 170, л. 1, об. лл. 3—3 об.

⁷⁵ Богородицкая, Н. А. Указ. соч., с. 169, 205, 209, 457.

⁷⁶ Там же, с. 168, 166.

В уложении 1796 г. размер выкупного платежа не был фиксирован, но, как показывают „дела о выкупах“ крестьян на волю в Сидоровской вотчине, он практически был равен одной трети капитала выкупавшегося (к 20-м годам XIX в.). А в 1809 г. в Ярославскую вотчину был послан приказ, что Е. В. Новосильцева будет брать выкуп“ с каждого семьянистого мужика с малолетними детьми“ не более двух тысяч за ревизскую душу⁷⁷. Поэтому, внося этот пункт в уложение, В. П. Давыдов фиксировал фактическое положение дел, сложившееся еще при В. Г. Орлове, да и не могло быть иначе, т. к. уложение появилось через год после его вступления во владение. В уложении 1831 г., также как и в уложении 1796 г., особо тщательно разработаны статьи, касающиеся возможности получения денежных средств с крестьян в какой бы то ни было форме: оброк, штрафы, выкупы, выводные деньги. Здесь, вероятно, сказывалось влияние государственной налоговой системы, по примеру которой помещики в своих частных кодексах стремились использовать все возможности для различного рода поборов в свою пользу.

Таким образом, уложение 31 г., появившееся на 35 лет позже уложения 1796 г., в целом отличалось от последнего языком и стилем изложения, более четкой структурой⁷⁸. Несколько более ослаблена регламентация вступления крестьян в брак, установлен размер выкупного платежа, бурмистру предоставлено право отменять мирские приговоры. Остальные главы те же, что и в уложении 1796 г. Уложение 1831 г. просуществовало в вотчинах Орловых-Давыдовых почти без изменений до 1861 года. В Сидоровской вотчине уложение 1796 г. действовало до 1841 г., затем управление перешло к Н. П. Панину. Он не мог не считаться со сложившейся спецификой хозяйства вотчины и традициями в ее управлении. Коротко остановимся на изменениях, внесенных им в управление.

После перехода Сидоровской вотчины к Н. П. Панину, во главе вотчинной администрации был поставлен управляющий штабротмистр В. Янкевич, в подчинении которого находились две вотчины. Он получал жалованье от Панина и от мира. Сидоровская община платила ему 1000 руб. серебром в год (и столько же помещик).

В 1844 г. в вотчины Панина было разослано его „распоряжение“, имевшее характер циркулярной инструкции⁷⁹. В первую очередь Панин считал необходимым усилить контроль за деятельностью вотчинного правления и его делопроизводством. При проверке было обнаружено, что денежный староста хранил собранные суммы и книги записи сборов не в правлении, а у себя дома. Двое выборных опекунов, под контролем которых находились крупные денежные суммы их подопечных, поступали также, что не позволяло осуществлять строгий контроль за расходованием средств. Проверка открыла и недостачу денежных сумм. В результате были введены книги для записи всех видов денежных сборов. Панин считал необходимым усилить контроль за расходованием мирских средств: „Мирские расходы требуют сокращения и строгой отчетности“, — писал он. Было запрещено делать кому-либо подарки. Бурмистру было дано право отменять мирские приговоры (как и в уложении 1831 г. В. П. Давыдова). Были сокращены три единицы мирского штата. Панин вновь подтверждал приказ не обращаться к нему и в контору, а все дела решать в вотчинном правлении или с участием управляющего. В контору разрешалось присыпать лишь оброчные суммы и

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, ед. 759, л. 12.

⁷⁸ Богородицкая, Н. А. Указ. соч., с. 164.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. 1268, лл. 17, об. — 21.

сообщать о черезвычайных происшествиях в вотчине. Для Панина характерно стремление к централизации управления и укреплению административного начала. Управляющий у него пользовался всей полнотой власти. Панин был министром юстиции и это отразилось и в стиле его управления, в нем уже ничего не напоминает помещика XVIII века. Помещик окончательно отрывается от своего имения. Едва ли Панин знал по именам своих бурмистров, тогда как В. Г. Орлов периодически посещал свои вотчины и лично был знаком со многими крестьянами.

Основным вопросом, беспокоившим домовую контору, был рост недоимок, взысканию которых посвящена большая часть распоряжений и приказов 40-х и 50-х годов. Недоимки рассрочивались, и крестьяне платили годовые проценты от их суммы. Таким же образом, в рассрочку взыскивались долги с одновотчинных крестьян. Долги крестьян-отходников было приказано взыскивать с поручителей. В то же время Панин не раз напоминал, что „взыскание недоимок должно быть умеренное“, „без отягощения вотчины“. Было разрешено нанимать за себя рекрутов из одновотчинных крестьян (цена рекрута составляла 600 руб. сереб.). Половина этой суммы поступала в мирской банк⁸⁰.

Несмотря на принимаемые помещиком меры, платежеспособность основной массы крестьян падала. В связи с этим Панин запретил разделы семьям, в которых было меньше четырех работников — мера, которую применяли к беднейшей части деревни. Периодичность земельных переделов была увеличена с 5 до 9 лет. Были внесены изменения и в порядок раскладки оброка: „при раскладке оброка и мирских повинностей разделять крестьян на три разряда, облагать прежде всего менее состоятельных, проверяя лично меру их повинностей, назначая в постоянные окладчики богатых крестьян и налагая на них ответственность в случае неправильной раскладки“⁸¹.

Чтобы пополнить свою кассу Панин прибегает и к поощрению выкупов на волю зажиточных крестьян. Так по поводу просьбы крестьянина Блохина он советует управляющему „внушить ему (Блохину — Г. Т.), что он может выкупиться на свободу с сохранением принадлежащего ему имущества“ и требует прислать сведения о цене его дома в Казани, времени, в течение которого он занимается торговлей, о его наличном капитале, „по свидетельству какого рода вступает он в подряды, с какого числа душ платит оброчную сумму, государственные повинности и мирские расходы“⁸². Сумма выкупа, в этом случае, была та же, что и при В. Г. Орлове.

Панин уже не пытался, как Орлов, задержать социальное расслоение крестьян, напротив, он сам предписывал делить их на три категории и всю ответственность за выплату помещичьих, государственных и мирских повинностей возлагал на зажиточных крестьян, отдавая на их усмотрение способы, которыми они должны были собирать их с беднейшего слоя деревни. Недоимки и долги, рассрочившиеся на несколько лет и передававшиеся по наследству, росли как снежный ком и уплачивались в конце концов натурай — сдачей в рекруты за кредитора⁸³.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1274, ед. 1268, лл. 18, об. 22; ед. 1273, л. 122.

⁸¹ Там же, л. л. 41—42.

⁸² ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ед. 1273, л. 123 об.

⁸³ ЦГАДА, ф. 1454, ед. 2717, л. 3; ед. 890, л. 21; ед. 1272; ед. 2646, л. 1; ед. 1329, лл. 5—9; ед. 1328, лл. 1, 3.

Попытки Панина перестроить сельское хозяйство вотчины на капиталистических началах провалились, так как основным занятием крестьян, которые в массе своей были оторваны от земледелия⁸⁴, был ювелирный промысел⁸⁵.

В конце XVIII в. — начале XIX вв. В. Орлов пытался оградить беднейшее крестьянство от произвола богатеев. Целую систему мероприятий подобного рода проводил в своих вотчинах Шерemetев⁸⁶. Однако эти меры, противоречившие естественному ходу развития, не могли принести результатов, тем более, что хозяйственная политика самого помещика, стимулировавшего предпринимательство крестьян, способствовала углублению их расслоения. К 40-м — 50-м годам значительная часть крестьянских хозяйств была подорвана, часть крестьян превратилась в наемных рабочих с наделом, часть вообще не имела ни надела, ни какого-либо имущества в вотчине и проживала в городах. Резко изменяется и хозяйственная политика помещика в этот период, что отчетливо отразилось и в инструкциях в отказе от мер, направленных на нивелировку крестьянских хозяйств и в переходе к наступлению на беднейшую прослойку.

Кризис помещичьего хозяйства, проявлявшийся в снижении доходов помещика несмотря на рост степени эксплуатации, отразился в усилении регламентации хозяйственной деятельности крестьян и контроля за их имуществом, в ограничении мирского самоуправления. Стремление помещика увеличить свои доходы привело и к изменению в системе наказательных мер против крестьян, в отбывании рекрутской повинности.

Вместе с тем, глубокое проникновение товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство требовало облегчения передвижения крестьян и известного ослабления личной зависимости, что также прослеживается по инструкциям Орловых и Орловых-Давыдовых.

В целом, инструкции и „Уложение“ В. Г. Орлова и В. П. Орлова-Давыдова представляют собой ценный источник по истории помещичьего и крестьянского хозяйства, отражающий изменения, происходившие в социально-экономической жизни помещичьей вотчины в период разложения и кризиса феодального строя и формирования капиталистического уклада.

⁸⁴ Ежегодно одна треть трудоспособного мужского населения вотчины уходила на промыслы в другие города (до 500 человек) и почти столько же крестьян других помещиков работало в вотчине по найму, ЦГАДА, ф. 1454, ед. сд. 226, 250, 272, 296, 427, 451, 512, 638, и др.; сд. 735, лл. 1 — 22; ед. 848, лл. 1—18.

⁸⁵ Там же, ф. 1274, оп. 1, ед. 1268, лл. 18—26.

⁸⁶ Федоров, В. А. Указ. соч., 186—187.